

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Сергей Анатольевич КОМАРОВ¹

Сергей Олегович ШИПОВ²

УДК 821.161.1.09. "18"

ТЕКСТЫ, НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ И. А. КРЫЛОВЫМ В ИТОГОВОЕ ИЗДАНИЕ ДЕВЯТИ КНИГ БАСЕН (К ПРОБЛЕМЕ ГРАНИЦ МЕТАХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ)

¹ доктор филологических наук, профессор
кафедры русской и зарубежной литературы,
Тюменский государственный университет
vitmark14@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4506-4027

² аспирант кафедры русской и зарубежной литературы,
Тюменский государственный университет
s.o.shipov@yandex.ru

Аннотация

В статье впервые системной научной рефлексии подвергается поэтика всех восьми басен И. А. Крылова, оказавшихся по воле автора за пределами корпуса его басенного девятикнижия. Эти тексты создавались великим русским поэтом в различные десятилетия его творческой практики и, соответственно, на различных этапах становления самосознания Крылова как баснописца, формирования и осуществления его девятикнижия в качестве целостного замысла и общенационального проекта. Существенно, что выведение текстов за границы корпуса девятикнижия происходило при динамичной смене литературных направлений в русской письменной культуре (от классицизма

Цитирование: Комаров С. А. Тексты, не включенные И. А. Крыловым в итоговое издание девяти книг басен (к проблеме границ метахудожественной целостности) / С. А. Комаров, С. О. Шипов // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2020. Том 6. № 1 (21). С. 76-89.

DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-1-76-89

до реализма). Данная смена создавала дестабилизацию прежнего договора автора с демократическим читателем, подрывала устойчивость ценностно-дидактического канона басни.

Цель статьи — выявить и описать факторы и причины, побуждавшие Крылова не включать каждую из восьми анализируемых басен в корпус девятикнижия, ставшего каноническим в истории национальной литературы. В результате анализа выявлена существенная разность факторов и причин как внешнего, так и внутреннего порядка. К внешним причинам и факторам относится несоответствие поэтики текстов ожиданиям читателя в рамках концепций чувствительного и романтического героя, а также соучастие в конфликте аристократической и неаристократической партий внутри российской элиты первой половины XIX в. Внутренние причины и факторы связаны с тематическими структурными решениями конкретных текстов, не обеспечивающими диалогическое единство авторского, субъектного и читательского кругозоров в рамках ценностно-дидактического слоя художественного целого произведения.

Ключевые слова

И. А. Крылов, басенное девятикнижие, границы замысла, смена литературных направлений, автор и повествователь, мораль, эпизод.

DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-1-76-89

Введение

Изучение поэтики басен И. А. Крылова, их идейного состава имеет в отечественном литературоведении многоэтапную и плодотворную традицию. Из исследований XIX — начала XX в. следует выделить, прежде всего, работы В. Ф. Кеневича [7], Л. Н. Майкова [13] и В. В. Каллаша [6].

С 1920-х гг. начинается новый этап научной рефлексии наследия Крылова-баснописца, и он характеризуется аналитическими достижениями таких специалистов, как Г. А. Гуковский [4], Н. Л. Степанов [18], И. З. Серман [16], А. В. Десницкий [5], Л. С. Выготский [2], В. В. Фёдоров [20].

Отдельной отраслью крылововедения и ядром последнего на сегодняшний день этапа его развития является методическое направление изучения басен классика, которое преимущественно связано с составом школьных программ и общей стратегией литературного образования в стране. Здесь следует назвать, прежде всего, работы В. И. Коровина [9], Е. А. Адамовича [1], Н. Н. Светловской [15].

В 1788 г. молодой драматург И. А. Крылов анонимно публикует первые басни в журнале «Утренние часы». После он обратится к этому жанру спустя почти двадцать лет. Первые басенные опыты поэта представляют особый интерес, так как позволяют проследить трансформацию эстетических принципов автора и влияние на них просветительских идей. Генерализация драматургического опыта Крылова и его использование в басенной структуре расширяет круг задач, стоящих перед жанром с учетом контекста литературной борьбы сторонников классицизма и сентиментализма.

И. З. Серман справедливо отметил, что Крылов «создал свой вариант историко-философского истолкования России, русской нации в целом, и вместил все эти ответы на великие вопросы времени в литературную форму, предназначенную, казалось бы, для самых ограниченных целей» [16, с. 223].

Обозначим список восьми басен Крылова, не вошедших в девять книг [10, с. 521]. Это, во-первых, четыре текста, впервые напечатанные без подписи в журнале «Утренние часы»: «Стыдливый игрок», «Судьба игроков», «Павлин и Соловей», «Недовольный гостями стихотворец». Последняя басня была переиздана под названием «Не вовремя гости» в журнале Крылова «Зритель» в 1792 г. Во-вторых, это басни, созданные автором в различные десятилетия XIX в. История данных басен такова: «Лев и Человек» впервые напечатана в издании басен Крылова 1809 г., затем переиздана в 1811-м, после этого ни разу не перепечатывалась, сюжет переработан Крыловым в басне «Лев, Серна и Лиса»; «Пир» при жизни Крылова не печаталась — запрещена цензурой, написана в 1811 г.; «Огарок и подсвечник» при жизни Крылова не печаталась, написана в конце 1820-х гг.; «Два извозчика» при жизни Крылова не печаталась, написана ориентировочно в 1833-1834 гг., так как находится в одной тетради с баснями «Кукушка и Петух» и «Вельможа» [10, с. 211].

Под метахудожественной целостностью авторами статьи понимается девятикнижие басен поэта. Цель работы — выявить и описать факторы и причины невключения текстов в состав жанрового девятикнижия, что, очевидно, позволяет зафиксировать его определенные ценностно-эстетические границы. Изучение же внутреннего поэтологического устройства девятикнижия Крылова — последующая перспектива исследования.

Достоверно установить авторство текстов «Стыдливый игрок», «Судьба игроков», «Павлин и Соловей», «Недовольный гостями стихотворец» помогла находка Ф. А. Витберга: он обнаружил редакционный экземпляр издания с указанием авторов [10, с. 521]. Начнем анализ границ метахудожественной целостности замысла Крылова именно с этих произведений.

Основная часть

Среди 198 басен, включенных в итоговое издание в девяти книгах (1843 г.), нет ни одной, где объектом изображения стала бы карточная игра, а образ игрока наличествует лишь в морали одной из них. Популярный в русской драматургии первой половины XIX в. мотив карточной игры нашел отражение в первых басенных опытах Крылова, тогда еще молодого драматурга: «Стыдливый игрок» и «Судьба игроков».

Повествование используется поэтом для организации двух точек зрения, одна из них принадлежит повествователю, а вторая — игроку, их взаимодействие и создает ситуацию рассказывания. Ролевой герой является носителем чужого сознания, отношение автора к нему выражается прежде всего в ироничном заглавии [8], а также в использовании оценочной номинативной парадигмы: «рослый молодец, беспутства был он образец»; «мой болван»; «Герой»; «мой фаля» [10, с. 201].

Текст басни можно разделить на эпизоды, границы которых определяются единством времени, места и состава актантов.

Нижней границей первого эпизода служит строка: «Однако ж тут велась изрядная игра» [10, с. 201]. Эпизод характеризуется локализацией времени и пространства художественной реальности. Последние слова в нем фиксируют ситуацию самого рассказывания, то есть коммуникативное событие. Второй эпизод выявляет ролевого героя, фактически происходит фаза обособления в классической сюжетной линии: «Из всех других поудалее / Один был рослый молодец, / Беспутства был он образец» [10, с. 201]. Третий эпизод начинается с предложения: «И вдруг / Спустил все деньги с рук...» [10, с. 201]. За фазой обособления следует сюжетная фаза поиска партнерства. Цепочка микрособытий предыдущих эпизодов создает референтное макрособытие: проиграв все деньги, герой ищет помощников, но не находит и ставит последнее имущество, которым располагает.

Четвертый эпизод: «Гляжу чрез час: Герой остался мой в камзоле...» [10, с. 201]. Он знаменуется значительным в художественной реальности переносом во времени (один час) и появлением нового персонажа (посол от умирающего отца). Неожиданный сюжетный поворот придает универсальному сюжету частный характер. Посол сообщает герою о скорой смерти отца — лиминальная фаза сюжета (испытание смертью). Цепь кадронесущих фрагментов текста разворачивается в макрособытие — проигрыш игрока и вообще сам факт игры на фоне новости об умирающем отце.

Пятый эпизод: «„Скажи ему“, сказал мой фаля...» [10, с. 201]. Он состоит целиком из финальной, комичной по содержанию и выражению реплики героя, где нет ни осмысления, ни покаяния, ни преобразования персонажа. Таким образом, морализация не манифестируется автором, а остается открытой для читателя, который волен сформировать свое отношение к ситуации в заданном для него Крыловым ракурсе видения.

Показательно, каждый из кадронесущих фрагментов детализирует интригу. Третий эпизод — центральный не только в линейной схематизации текста, но и с точки зрения событийности, так как содержит в себе макрособытие. Развитие сюжета в первых трех эпизодах соответствует классической сюжетной линии басни, главной характеристикой которой в рамках культа разумности является универсальность. Но неожиданный сюжетный поворот (сообщение о скорой смерти отца) и пуантированная концовка (анекдотичная финальная реплика героя) выдают частный характер референтного события.

В морали басни автор, лирический субъект и читатель должны объединяться. Эта часть жанровой структуры фиксирует условную победу над пороком или указывает на путь к ней. В басне «Стыдливый игрок» победа над пороком не может достигаться, так как сама ситуация рассказывания басни повествователем сложилась вокруг откровенно анекдотичной финальной реплики героя.

Поэпизодная сегментация текста басни позволяет достоверно определить объект изображения. Именно игрок с его ценностным кругозором становится

объектом изображения, а не порок. Финальная реплика, непосредственность и доведенное до абсурда восприятие действительности героем фокусируют внимание читателя.

На наш взгляд, И. А. Крылов не включил текст «Стыдливый игрок» в итоговый свод басен по причине особенностей ее пуантированности. Насыщенная сюжетная канва (факт игры в карты — выделение героя — проигрыш — сообщение о смерти отца — неожиданная концовка в виде финальной реплики героя, отражающей его искаженное восприятие действительности) подрывает схематизацию универсального сюжета. Феномен карточной игры лишает басню аллегоричности, что, очевидно, не соответствует новым эстетическим принципам Крылова.

В тексте «Судьба игроков» финальная реплика персонажа, организующая точку зрения игрока, дискредитируется названием басни. Игрок заявляет о возможности повторного выигрыша, так как «колесом вертится все на свете» [10, с. 206], а автор ситуацию неизменного проигрыша и постоянной надежды на стремительную смену статуса называет «судьбой игроков». Полярность представленных в этих двух баснях точек зрения повествователя и игрока заключается в восприятии феномена карточной игры. В сознании повествователя неизменность проигрыша является закономерностью, а в сознании игрока проигрыш связан с надеждой на благосклонность случая и скорую победу, которая сулит смену статуса. Интрига басни, таким образом, для внимательного читателя заключается не в неожиданном сюжетном повороте, а только в том, когда субъект речи прекратит повествование: до или после проигрыша.

Надежды игрока связаны с удачей, которая будет благосклонна к нему. Тем не менее в мире басен Крылова благосклонность фортуны не всегда приводит персонажа к желаемым результатам. В пятой книге в текстах «Фортуна и нищий» [10, с. 120] и «Фортуна в гостях» [10, с. 125] фортуна становится актантом и организует сюжет. В первой басне нищий получает возможность разбогатеть, но собственная жадность лишает его этой возможности. Во втором тексте фортуна помогает трем братьям во всех их делах и начинаниях, но лишь двое сумели извлечь выгоду из этого.

Игра в карты характеризуется отдельным инфернальным хронотопом, в котором ситуация проигрыша — это этап испытания смертью. В основе сюжета басен Крылова, в которых наличествует феномен карточной игры, лежит противостояние не между игроками, а между игроком и внешним миром. Тип соперника не представлен в баснях по причине ненужности в игровой модели «человек — внешний мир». Вероятность выигрыша человека в такой модели минимальна. Ю. М. Лотман безотносительно к тексту басни считает, что сторона внешнего мира обладает «неисчерпаемым запасом времени и неограниченной возможностью возобновлять игру», поэтому будет выходить победителем в противостоянии с человеком [12]. В текстах Крылова повествователь выступает как положительный герой, а игрок саморазоблачается перед читателем. Сюжетная схема материализует идею падения человека через его низкую страсть — картежничество. На переходах от одной концепции человека и мира к другой в

рамках смены литературных направлений (классицизм — сентиментализм — романтизм — реализм), деятельным участником которых был баснописец, доминантные ценности подвергались радикальной ревизии, поэтому и опорный для жанра договор автора с читателем подрывался на каждом этапе и создавал риски разрыва. Крылов как великий и чуткий художник чувствовал эти опасности и уклонялся от них при определении судьбы своих текстов, особенно по мере формирования замысла девятикнижия.

На наш взгляд, феномен карточной игры не нашел своего отражения в девяти книгах басен в связи с неоднозначным и динамичным отношением Крылова к игре. Осуждение картежничества не может быть очевидным для высокого читателя эпохи постразумного человека. При этом карты являются частью культуры цивилизации, которая искушает и извращает добрую природу человека, вынуждая его становиться на границу между добром и злом. Философия игры в карты канонически неразумная, так как игрок становится жертвой расклада, хотя при переходе от сентиментализма к романтизму, очевидно, возникают соблазны для новой тематической рефлексии феномена.

В тексте «Павлин и Соловей» открыто заявлен социальный ракурс. Столкновение буржуа (купца) и аристократа (боярина) обозначает острый социальный конфликт. Избыточность отрицательных характеристик боярина («... С набитым кошельком, с пустою головою», трижды номинация «невежда»), зооморфный параллелизм с павлином могут расцениваться современным Крылову читателем как выпад против аристократии, и это при обостренности полемики вокруг данной проблематики в отечественной культуре первой трети XIX столетия [14].

В тексте «Недовольный гостями стихотворец» уже в первой строке используется сатирическая номинация «рифмохват». Насыщенность необъективной характеристики («рифмохват», «на прозе и стихах помешанный свой ум», «душой немного болен») [10, с. 207] дискредитирует образ стихотворца без морализации. Читателю доступны лишь оценочные суждения повествователя, пороки и личные качества героя раскрываются не в его действиях, а в данной ему оценке. Кроме того, в образе неудачливого стихотворца над общечеловеческими преобладают личные, индивидуальные черты. Детализация внешних уровней художественного текста (фокализации и глоссализации) фокусирует внимание читателя на повествователе с его оценочным кругозором и субъективным описании объекта изображения (стихотворце), а также речевой характеристике персонажа, в границах которой должна раскрываться его ценностная ориентация. Словесная масса, относящаяся к точке зрения повествователя, субъективность и яркость детали смещают внимание читателя в сторону изображающей, а не изображенной речи персонажа. Читатель изымается из активного событийного диалога, безальтернативно принимает точку зрения повествователя, не получая возможности утвердиться в морали басни.

Особый интерес представляют тексты, не включенные автором в итоговое издание в девяти книгах, но написанные им в наиболее продуктивный период басенного творчества: «Лев и Человек», «Пир», «Огарок и подсвечник», «Два извозчика».

В тексте «Лев и Человек» Крылов применил характерный для всего периода книготорчества прием организации объектной структуры. Он заключается в диалогическом столкновении двух точек зрения с обязательным разрушением как минимум одной из них в заданном для читателя ракурсе видения. Басня «Лев и Человек» была включена в издания басен И. А. Крылова 1809 и 1811 гг., но отсутствует во всех последующих. В 1830 г. сюжет переработан и усложнен Крыловым в басне «Лев, Серна и Лиса» добавлением третьего актанта (лиса), единственного наделенного речевым сегментом. Структура басни усложняется и в проекции смыслов — установка на мораль становится не такой явной, она организуется через детали, что позволяет избежать излишней дидактичности. Объектом изображения является не столько глупость льва, сколько его страсти (тщеславие, самолюбие), которые приводят персонажа к гибели. С точки зрения христианской морали, именно страсти ведут человека к гибели, а всякий смертный грех — следствие самолюбия. Актуализация героя несомненно подсвечивается контекстом романтического типа договора автора и читателя, что создает новые ограничения и возможности для Крылова.

Наличие сверхсюжета или мифологического контекста в художественной реальности продуцирует более глубокие связи между всеми частями целого. Лиса выступает в роли дьявола, искушающего и играющего на страстях грешника (льва). Овраг в художественной реальности басни является инфернальным хронотопом потустороннего мира, низовым пространством мертвых в фундаментальной для общей картины мира соотнесенности низ/верх, живое/мертвое. Лев, находясь в естественной и гармоничной среде (охота), поддавшись страстям, оказывается не способен преступить смерть и погибает.

Финал басни трагичен, но справедлив, соответствует типовой раме романтического миромоделирования. Резкий поворот сюжета характеризуется сменой статуса персонажей, когда лев, столкнувшись с другим хищником, оказывается в роли жертвы, а лиса статус «сердечного друга» меняет на роль хищника, который натуралистично «до костей друга оглодал» [10, с. 177]. По сравнению с первоначальным вариантом басни лев не дискредитируется в глазах разумного человека, а становится жертвой своих страстей, что в полной мере коррелирует с моральной установкой жанра. Морализация басни «Лев, Серна и Лиса» возникает за счет физиологизации финала. Яркость детали, конкретность и наглядность образа позволяют читателю самостоятельно сформулировать мораль.

Первоначальный сюжет текста «Лев и Человек» противоречит концепции мира и человека, в которой разумный человек гармонично сосуществует с природой, а не ставит себя выше нее. Так, в художественном пространстве басни человек говорит льву, то есть царю зверей, что разум «нам над вами верх дает». Тем самым в основе сюжета лежит противостояние между человеком и природой, и победа человека в этом противостоянии манифестирует превосходство разума над всей природой, что в полной мере соответствует установкам уходящей эпохи Просвещения, но смотрится уже проблематично в условиях сентиментализма.

М. Л. Гаспаров, исследуя античную басню, выделил несколько смысловых групп басен Эзопа, из которых следует ряд универсальных жизненных устано-

вок, подходящих для данного жанра любой эпохи. В частности, он формулирует: «Страсти пагубны, потому что они ослепляют человека и мешают ему различать вокруг себя за видимостью сущность. <...> В своих трудах нужно полагаться только на себя и на свой труд. Друзей-помощников нужно выбирать с большой осмотрительностью» [3, с. 24].

В композиции текстов «Огарок и подсвечник», «Два извозчика» конструктивная роль принадлежит диалогам, что свойственно драматическим жанрам. Сюжет этих басен сводится к единственному актантному эпизоду (диалогам огарка и подсвечника, двух извозчиков). Мораль в них выражается в финальной реплике персонажей (огарка и второго извозчика):

Огарок и подсвечник

«В судах нужнее ты всего для украшения,
Но пользы от тебя в делах как ото пня.
А я свечу, и без меня
Сегодня не было б ни одного решенья» [10, с. 211].

Два извозчика

«И кум, — какой тебе ждаться от коней поживы?
Их у тебя табун — да с голоду чуть живы!
Попробуй-ка, с меня пример возьми:
Держи хоть двух, да лучше их корми!» [10, с. 211].

Дидактическая прямолинейность, статичность, отсутствие описательности и иносказательности, явно назидательный характер морали не соответствуют философско-эстетическим принципам И. А. Крылова, и, вероятно, поэтому данные тексты не были включены им в басенные книги.

«Пир» был запрещен цензурой и при жизни автора не печатался. Впервые он опубликован в 1869 г. в «Сборнике статей, читанных в отделении русского языка и словесности императорской Академии наук». В заглавии басни Крылов локализует место действия и фокусирует внимание читателя на символической реальности. Пир — это универсальная модель борьбы человека с миром, в которой человек является победителем ровно настолько, насколько богат и пышен его пир. Уже в первом предложении повествователь детализирует обстоятельства и цели пира, а также указывает на традиционно высшее положение льва в иерархии зверей: «В голодный год, чтобы утешить мир, / Затеял Лев богатый пир» [10, с. 209]. Мифотектонический уровень художественной реальности насыщен пиршественными образами, которые формируют отдельный хронотоп и обрамляют мораль басни. Решение льва устроить пир в голодные годы в полной мере соответствует мифологическому восприятию сакрального торжества как победного завершения чего-либо. В отличие от традиционного изображения пира, повествователь фокусирует внимание читателя не на единстве сидящих за столом, а на иерархической упорядоченности в художественном пространстве. Статус зверей «большой породы» не подлежит сомнению со стороны зверей

«малой породы», место которых в фундаментальной соотносительности «периферия — центр» находится на периферии: «...*Так оставайтесь у порогу...*» [10, с. 210]. Морализация басни манифестируется в единственной речевой характеристике текста, относящейся к барсу — зверю «большой породы»:

Итак,
Когда не хочется домой вам натошак,
Так оставайтесь у порогу:
Вы сыты будете — и это слава богу. —
Места не ваши впереди:
Их берегут зверям лишь крупного покроя;
А кто из мелочи не хочет кушать стоя,
Тот дома у себя сиди [10, с. 210].

Иерархичность и социальное неравенство не преодолевается даже в такой сакральной ситуации трапезы за общим столом. Непреодолимая дистанция между персонажами становится объектом изображения. Ироничное отношение повествователя к зверям «малой породы» выражается в стилистически маркированных глаголах: «пришлелись», «пытаются продраться», «прохолился», «промылся». Сурок, Лиса и Крот являют диалогически противопоставленный доминирующему тип сознания, но по причине своей незначительности он не представлен в художественном пространстве самостоятельным «голосом». Точка зрения зверей «крупной породы» не случайно выражена в сильной позиции (морали), которую безапелляционно должны принимать все участники как референтного, так и коммуникативного события. Социальный план басни реализуется повествователем в морали, для того чтобы сделать читателя участником события, позволяя ему самостоятельно определить свое положение за столом.

Заключение

За исключением текста «Пир», запрещенного к печати цензурой, остальные басни не были включены именно Крыловым в итоговые девять книг. Общим критерием, по которому рассматриваемые тексты не были включены автором в книги басен, является их эстетическое несоответствие представлениям автора на разных этапах его книготорчества и в контексте динамики литературных направлений в русском литературном процессе. В первых четырех баснях Крылов использовал частный, а не свойственный басням универсальный сюжет. Не случайно В. П. Степанов фиксирует в его первых жанровых опытах «безликость стиля и сюжетов» [17, с. 196].

Феномен карточной игры и образ игрока, используемые автором на начальном этапе басенного творчества, характерны для драматургии. В рамках культа разумности азартные игры неоднозначно воспринимаются читателем эпохи. Объектом изображения в таких текстах становится не порок, а игрок с его ценностным мировоззрением и желанием резко изменить свое положение или статус. Приход эпохи сентиментализма с культом правильной страсти и религиозным

испытанием границ страстей различного типа инициирует новую ценностную раму, где именно баснописцу необходимо искать новые способы ценностного уплотнения образа, дискредитации порока в условиях договора с читателем.

Текст «Недовольный гостями стихотворец» насыщен субъективными негативными характеристиками повествователя и не позволяет читателю сюжетно убедиться в морали, стать соучастником события. Смена кадров внутреннего зрения фокусирует читателя на сатирическом и субъективном описании события, что предельно сужает ракурс видения в рамках лишь одной точки зрения, организованной повествователем.

Если текст «Пир» исключался по внешним (цензурным) причинам, то «Павлин и Соловей» по внутренним — из-за риска идейного противостояния аристократической и неаристократической партий в отечественной элите первой трети XIX в., а значит, и в условиях разделения общенационального читательского сообщества.

Басня «Лев и Человек» в ее первоначальном варианте, впервые напечатанном в 1809 г., манифестировала установки ушедшей эпохи Просвещения. Однако наложение в ней элементов сентименталистской и романтической моделей мира и человека создавало эклектичность моралистического послания читателю, что и привело к поздней трансформации замысла автором в новом тексте.

«Огарок и подсвечник» и «Два извозчика» лишены описательности и в значительной степени статичны. Конструктивная роль диалога в басне «Два извозчика» вне присутствия повествователя в художественном пространстве сводит одну из точек зрения к эксплицитному нравоучению.

Таким образом, вышеуказанные тексты не были включены Крыловым в итоговый свод басен по причине их несоответствия жанрово-эстетическим требованиям самого автора, работавшего в динамическом диалоге с отечественным читателем первой половины девятнадцатого столетия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адамович Е. А. Чтение в начальных классах / Е. А. Адамович, Е. А. Яковлева. М.: Просвещение, 2012. 263 с.
2. Выготский Л. С. Анализ эстетической реакции / Л. С. Выготский // Психология искусства. М.: Педагогика, 1987. С. 83-186.
3. Гаспаров М. Л. Античная литературная басня / М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1971. 279 с.
4. Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века / Г. А. Гуковский. Л.: Учпедгиз, 1939. 527 с.
5. Десницкий А. В. Иван Андреевич Крылов: пособие для учащихся / А. В. Десницкий. М.: Просвещение, 1983. 143 с.
6. Каллаш В. В. Из неизданных сочинений И. А. Крылова / В. В. Каллаш. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1904-1905. 24 с.
7. Кеневич В. Ф. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова / В. Ф. Кеневич. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1868. 290 с.

8. Корман Б. О. О целостности литературного произведения / Б. О. Корман // Избранные труды по теории и истории литературы. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 1992. С. 119-128.
9. Коровин В. И. Басни И. Крылова. В помощь преподавателям, старшекласс. и абитуриентам / В. И. Коровин. М.: Изд-во Московского ун-та, 1999. 94 с.
10. Крылов И. А. Полное собрание сочинений: в 3 томах / И. А. Крылов; под ред. Д. Бедного. М.: Гос. издат. худож. лит., 1946. Том 3. 618 с.
11. Крылов И. А. Собрание сочинений: в 2 томах / И. А. Крылов. М.: Правда, 1984. Том 2. 510 с.
12. Лотман Ю. М. «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века / Ю. М. Лотман // Избранные статьи: в 3 томах. Таллинн, 1992. Том 2. С. 389-415.
13. Майков Л. Н. Первые шаги Ивана Андреевича Крылова на литературном поприще / Л. Н. Майков. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1889. 47 с.
14. Майофис М. Л. Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815-1818 годов / М. Л. Майофис. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 800 с.
15. Светловская Н. Н. Введение в науку о читателе: лекционно-практический курс / Н. Н. Светловская. М.: Библиомаркет, 1997. 158 с.
16. Серман И. З. Крылов — баснописец / И. З. Серман // Иван Андреевич Крылов. Проблемы творчества. М.: Наука, 1975. С. 196-278.
17. Степанов В. П. Эволюция и теория басни в 1790-1810-х годах / В. П. Степанов // Иван Андреевич Крылов. Проблемы творчества. Л.: Наука, 1975. С. 196-221.
18. Степанов Н. Л. И. А. Крылов. Жизнь и творчество / Н. Л. Степанов. М.: Гос. издат. худож. лит., 1958. 467 с.
19. Тюпа В. И. Анализ художественного текста / В. И. Тюпа. М.: Академия, 2009. 331 с.
20. Фёдоров В. В. О природе поэтической реальности / В. В. Фёдоров. М.: Советский писатель, 1984. 184 с.

Sergey A. KOMAROV¹
Sergey O. SHIPOV²

UDC 821.161.1.09.“18”

**ON THE PROBLEM OF TRANSFORMATION
OF PHILOSOPHICAL AND AESTHETIC
REPRESENTATIONS OF THE AUTHOR**

¹ Dr. Sci. (Philol.), Professor,
Department of Russian and Foreign Literature,
University of Tyumen
vitmark14@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4506-4027

² Postgraduate Student,
Department of Russian and Foreign Literature,
University of Tyumen
s.o.shipov@yandex.ru

Abstract

This article presents the first systematic scientific reflection of the poetics of the eight fables by I. A. Krylov, that he did not include in the corpus of his Nine Books of Fables. The great Russian poet wrote these texts at various stages of his life and the development of his self-consciousness as a fabulist. It is significant that the removal of these texts off the Nine Books occurred during a dynamic change of literary trends in the Russian written culture —the shift from classicism to realism. This change could not but affect the destabilization of the author’s relations with a democratic reader, undermining the stability of the value-didactic canon of the fable.

The purpose of this article is to identify and describe the factors and reasons that prompted Krylov not to include each of the eight fables under study into the corpus of his Nine Books, which became canonical in the history of national literature. The results show a significant difference between the factors and causes of both external and internal order. The external causes and factors include the discrepancy between the poetics of texts and the readers’

Citation: Komarov S. A., Shipov S. O. 2020. “On the Problem of Transformation of Philosophical and Aesthetic Representations of the Author”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 6, no 1 (21), pp. 76-89.

DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-1-76-89

expectations in the framework of the concepts of a sensitive and romantic hero, as well as complicity in the conflict between aristocratic and non-aristocratic parties within the Russian elite of the first half of the 19th century. Internal causes and factors are associated with thematic structural outline of specific texts that do not ensure the dialogical unity of the author, subject, and readers' horizons within the framework of the value-didactic layer of the whole artistic work.

Keywords

I. A. Krylov, nine books of fables, boundaries of plan, change of literary directions, author and narrator, morality, episode.

DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-1-76-89

REFERENCES

1. Adamovich E. A. 2012. Reading in Primary School. Moscow: Prosveshchenie. 263 pp. [In Russian]
2. Vygotsky L. S. 1987. "Analysis of aesthetic reaction ". In: Yaroshevsky M. G. (ed.). Psychology of Art, pp. 83-186. Moscow: Pedagogika. [In Russian]
3. Gasparov M. L. 1971. Antique Literary Fable. Moscow: Nauka. 279 pp. [In Russian]
4. Gukovsky G. A. 1939. The Russian Literature in the 18th Century. Leningrad: Uchpedgiz. 527 pp. [In Russian]
5. Desnitsky A. V. 1983. Ivan Andreevich Krylov: A Manual for Students. Moscow: Prosveshchenie. 142 pp. [In Russian]
6. Kallash V. V. 1904-1905. From the Unpublished Works of I. A. Krylov. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk. 24 pp. [In Russian]
7. Kenevich V. F. 1868. Bibliographic and Historical Notes on the Fables of Krylov. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk. 290 pp. [In Russian]
8. Korman B. O. 1992. "On the integrity of a literary work". In: Selected works on the theory and history of literature, pp. 119-128. Izhevsk: Publishing House of the Udmurt University. [In Russian]
9. Korovin V. I. 1999. Fables of I. Krylov. A Manual for Teachers, High School Students, and University Applicants. Moscow: Publishing House of the Moscow University. 94 pp. [In Russian]
10. Krylov I. A. 1946. Complete Works: in 3 vols. Vol. 3. Moscow: Gosudarstvennoye izdatelstvo khudozhestvennoy literatury. 618 pp. [In Russian]
11. Krylov I. A. 1984. Collected Works: in 2 vols, vol. 2. Moscow: Pravda. 510 pp. [In Russian]
12. Lotman Yu. M. 1992. "The Queen of Spades and the theme of cards and card games in Russian literature at the beginning of the 19th century". In: Lotman Yu. M. Selected Articles, pp. 389-415. Tallinn. [In Russian]
13. Maykov L. N. 1889. The First Steps of Ivan Andreevich Krylov in the Literary Field. Saint Petersburg: Tipografiya tovarishchestva "Obshchestvennaya polza". 47 pp. [In Russian]

14. Mayofis M. 2008. Appeal to Europe: The Literary Society “Arzamas” and the Russian Modernization Project of 1815-1818. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. 800 pp. [In Russian]
15. Svetlovskaya N. N. 1997. Introduction to the Science of the Reader: Lecture and Practical Course. Moscow: Bibliomarket. 158 pp. [In Russian]
16. Serman I. Z. 1975. “Krylov — a fabulist”. In: Ivan Andreevich Krylov. Problems of Creativity, pp. 196-278. Moscow: Nauka. [In Russian]
17. Stepanov V. P. 1975. “Evolution and theory of fables in the 1790-1810”. In: Ivan Andreevich Krylov. Problems of Creativity, pp. 196-221. Leningrad: Nauka. [In Russian]
18. Stepanov N. L. 1958. I.A. Krylov. Life and Work. Moscow: Gosudarstvennoye izdatelstvo khudozhestvennoy literatury. 467 pp. [In Russian]
19. Tyupa V. I. 2009. Analysis of the Literary Text. Moscow: Academy. 331 pp. [In Russian]
20. Fedorov V. V. 1984. About the Nature of Ppoetic Reality. Moscow: Sovetskiy pisatel. 184 pp. [In Russian]